Глава 28-Прощай

Рин была захвачена в плен.

Обито ожидал этого. Он планировал сидеть сложа руки и позволить этому случиться, зная, что пока они будут так же беспомощны, как и в прошлый раз, с ней все будет в порядке. Он хотел, чтобы ее схватили, чтобы у него был повод отправиться в пещеру, которая служила базой их врага и его ложной могилой.

Но это вовсе не означало, что было легко сидеть сложа руки и притворяться слабыми, как, вероятно, считали их Ива шиноби, и смотреть, как они уводят Рин. Поэтому, как только он убедился, что Какаши не пострадал, он бросился в ту сторону, откуда убежал Джонин.

- Эй! Обито, подожди!- Раздраженно крикнул Какаши.

Обито даже не потрудился остановиться, а просто отрепетированно крикнул в ответ: "Мне плевать на твои правила, Какаши! Я собираюсь спасти Рин—"

-А Я ЗНАЮ! Но мы должны работать вместе, идиот!"

Обито резко остановил свое путешествие, остановившись на следующей ветке, когда он повернулся, чтобы посмотреть на Какаши (который едва успел избежать столкновения с ним, бормоча слова, которые подозрительно звучали как "идиот, дай предупреждение в следующий раз"). Он медленно поднял руку и снял маску, открывая единственный широко раскрытый глаз.

-Ты... - начал Учиха, нахмурив брови. -А ты меня не боишься?"

Он прекрасно понимал, какое напряжение вызвали его предыдущие действия. Он знал о нерешительности двух его товарищей по команде относительно продолжения миссии, поскольку психическое состояние обито было далеко не удовлетворительным.

Какаши только тихо усмехнулся, закатив свой видимый глаз. -Ваш метод убийства был ... менее гуманным, чем это было необходимо, но я знаю, что вы просто были собой.- Он сделал паузу, явно подбирая слова. -... Не то чтобы я—мы-никогда раньше не видели тебя в действии, и хотя твой дар был неожиданным, верно?"

Когда Обито не сделал никакой внешней реакции или движения, чтобы ответить, Хатаке продолжил. - ...Не говоря уже о том, что я никогда раньше не убивал людей и не видел кровавых сцен—ты забываешь, что я самый опытный Шиноби в нашей возрастной группе.- Его глаза прищурились, как будто он улыбался, и Обито мог поклясться, что видел того самого Какаши, которого он знал—Какаши, с которым он чуть не сражался насмерть. - Те, кто бросает своих товарищей, хуже всякого мусора.- Разве не ты так сказал?"

Обито только уставился на него, даже когда Какаши поднял руку, чтобы почесать его затылок в жесте, который казался слишком непринужденным для тринадцатилетнего, законопослушного Какаши, которым он должен был быть. - Я думаю ... эти слова, они имели смысл для меня. Я не хочу бросать своих товарищей.- Джонин покачал головой, оглядываясь назад и показывая напряженную решимость, написанную на его лице. -Я не брошу своих товарищей, они мои друзья . Моя семья."

- ...Хорошо, - пробормотал Обито, медленно моргая. - Хорошо, - подтвердил он, улыбка медленно растянулась на его лице, и он посмотрел на своего товарища по команде. -Тогда пойдем спасать Рин-тян."

Не говоря больше ни слова, они оба бросились в том направлении, куда, как они знали, Ива Шиноби забрал их товарища по команде, Обито с неизменной улыбкой.

Он был счастлив.

Даже несмотря на то, что вероятный конец неуклонно приближался, он видел проблеск гораздо более счастливого, гораздо более приятного будущего, где Какаши не был единственным выжившим из его команды. Там, где он не был одержимым человеком, который религиозно посещал каменный памятник, чтобы извиниться и попросить прощения у людей, которых он любил, у людей, которых он чувствовал, что потерпел неудачу. Где Рин сможет стать той потрясающей, могущественной женщиной, какой она должна была стать. Где Минато и Кушина смогут наконец обрести семью, о которой мечтали, ребенка, который изменит мир. С этим утверждением решимость Обито только возросла.

Его улыбка исчезла, когда он снова надел маску и активировал Шаринган.

Он не потерпит неудачи.

Какаши наблюдал, как Обито приземлился на ветку и подал знак, и оба они немедленно подавили свою чакру. Он наблюдал (и чувствовал) с немалой долей благоговения, как уже подавленная подпись Учихи полностью исчезла, как бы свидетельствуя об истинных способностях мальчика. Это напомнило ему, что даже если бы обито рассказал им эту "историю", Какаши действительно ничего не узнал—и хотя горечь, вызванная этой мыслью, была ничтожной, тем не менее она была заметна.

Он покачал головой, подавляя мелочные эмоции. У них не было времени на размышления, особенно когда их третий товарищ по команде был захвачен группой вражеских шиноби уровня Джонин. Откинув голову назад, Какаши повернулся к Обито, чтобы изложить свой краткий план—

—и тут же отпрянул назад, когда оглушительный хлопок разнесся по всей роще.

Испускаемый Обито.

Какаши уставился на ворона, скрывая недоверие, но все же понимая его. - ...Обито, - тихо прошипел он, оглядываясь вокруг и впиваясь взглядом в мальчика—трудный подвиг, особенно учитывая тот факт, что в данный момент у него был только один пригодный для зрения глаз. -О чем, черт возьми, ты думаешь? А теперь нам надо уходить, пока они нас не нашли!"

Просто Какаши повезло, подумал он, что в этот момент появился один из Ива Джонинов, о которых он думал. Мужчина направлялся к Обито, размахивая танто, и злобная ухмылка исказила его лицо. Чувствуя, что сейчас произойдет, и внутренне удивляясь тому, как он на самом деле привык к тому, что его товарищ по команде был таким, как сейчас, Какаши поднял свой хитай-Ат, чтобы показать вращение своего Шарингана.

В отличие от того, что было раньше, он действительно мог видеть, что Обито сделал с врагом—он прыгнул на Джонина, когда меч, казалось, прорезал его, как воздух. Видя, что это вызвало небольшую, отвратительную искру страха внутри Какаши, но логически он знал о Камуи Обито—он наблюдал, как Учиха сделал движение слишком быстро даже для Шарингана, и внезапно он оказался позади Джонина, у которого был большой зияющий разрез поперек горла и он падал на землю внизу.

Он лишь мельком взглянул на ныне покойного Джонина, прежде чем снова повернуться к обито, заметив, что мальчик даже не пошевелился, чтобы обернуться. Какаши понял невысказанную команду, что это был их сигнал идти спасать Рин. Он мог бы запротестовать, сказав, что им действительно следовало бы сначала обсудить стратегию, но он точно знал, что обито, скорее всего, не станет его слушать. Поэтому он спрыгнул с ветки и последовал за своим товарищем по команде.

Они оба беззвучно приземлились за пределами пещеры, где Какаши мог чувствовать знакомую подпись Рин и приглушенное присутствие неопределенного количества врагов—но "много" звучало как точная догадка для смешанной, сбивающей с толку массы.

"Нехорошо", - мрачно подумал седовласый джонин, прежде чем повернуться к Обито. Он сомневался, что все они были Джонинами, но у него было чувство, что это все еще будет довольно близкая царапина.

Обито стоял лицом к пещере, глядя в темноту, пока говорил. - ...Какаши, иди за Рин—и постарайся не высовываться. Я буду прямо за тобой."

Какаши сделал шаг вперед, чтобы предложить лучшую идею, возможно, такую, которая не включала бы так мало общения, которое могло бы стоить им жизни, но быстро застыл, когда он заметил красно-черный Шаринган своего товарища по команде. Логически говоря, он знал, что теперь у него тоже есть это, но сомневался, что у него есть такая вариация—эта ужасная форма вертушки, которая способна вызвать бесконечную бойню. Тот Самый Мангеке.

- Обито был серьезен. Не то чтобы он сомневался в этом, по крайней мере в последнее время, но все еще было неприятно видеть мрачную решимость, написанную на лице его товарища по команде, особенно когда этот товарищ был всего лишь улыбкой и капризным, детским хмурым

взглядом полгода назад.

Какаши нерешительно кивнул, придя к своему решению. - ...Тебе лучше знать, что ты делаешь, Обито.- И он бросился в пещеру.

Он был быстрее их. Враги, вот что это было. Возможно, именно поэтому Обито послал его спасать Рин, и все же Какаши был уверен, что Обито был так же быстр, если не быстрее, чем он.

Вспышка пламени, взметнувшаяся над головой и обрушившаяся на многочисленных врагов с предельной точностью, ответила на его невысказанный вопрос.

-Тогда назад, - спокойно заметил он, легко рассекая отставших своим танто. Это был хороший план, признал он про себя. Сам Какаши знал лишь несколько дальнобойных ниндзюцу, и даже тогда они были не очень полезны против пользователей Дотона.

Какаши отметил, что, несмотря на то, что он якобы был руководителем группы миссии... он не испытывал особых трудностей, делая то, что сказал ему Обито. Вполне возможно, что это было из-за того, что он все равно собирался пойти за Рин (хотя он полагал, что они пошли бы с более тонким способом извлечения). Но он знал, что это была не единственная причина. В некотором смысле, Какаши чувствовал, что Обито был примерно так же хорош в действительном функционировании в командах, как и он сам—что было не очень хорошо, признал он. И все же он знал эту решимость, которую излучал Обито, это невысказанное обещание, что мальчик не допустит, чтобы с ними что—то случилось, пока он там, - что-то, что, по иронии судьбы, было типично для руководителей команд. Какаши получил от Обито такую же вибрацию, как и от Минато в прошлом, когда они были только вдвоем, наставник и ученик. И это была его автоматическая реакция - без лишних вопросов довериться Обито.

Приблизившись к Рин, он прищурился на шиноби, преграждавшего ему путь, и пробился сквозь ручные печати.

Да, Обито был из тех, кто ревностно защищает свою команду, но в то же время он мало заботился о себе. И именно поэтому они, как следствие, должны были следить за ним. Те несколько раз, когда он действительно полагался на них, они обязательно оправдывали его ожидания. Он прикрывал их спину, а они, в свою очередь, прикрывали его.

"Катон: Бакуфу Ранбу!"

Какаши автоматически пригнулся, когда почувствовал приближающуюся тепловую сигнатуру сзади, и его собственное дзюцу выдохлось, когда он собрался с силами. Он смотрел, как кружащийся, извивающийся огонь пронесся над ним, опаляя всех Ива-Нин на своем пути злобным, обжигающим жаром—как у разъяренного дракона. Он прыгнул к Рин, когда огонь перекрутился в другую сторону, чтобы блокировать приближающихся врагов, и приготовился вывести из строя двух врагов, охранявших его женщину-товарища по команде, как ложных защитников.

- Ну и долго же вы тут сидели, ребята, - надулась Рин, хлопая в ладоши от грязи.

Какаши резко остановился на полпути к танто и уставился на нее с нескрываемым недоумением. Он посмотрел вниз на двух бессознательных Ива-Нин (которые стояли всего несколько секунд назад), медленно переваривая то, что только что увидел. Рин сделала какое-то странное движение своими свободными руками, и двое мужчин рухнули, как марионетки с перерезанными нитками. Его рука опустилась, и он снова посмотрел на нее. - А что это было..."

- Цунада была бы разочарована во мне, если бы знала, что я не могу сделать хотя бы этого, - объяснил Рин несколько легкомысленно, что смутно напомнило ему и Кушину, и обито. -Мне пришлось ждать вас, ребята, потому что, хотя я и знал, что смогу убить этих двоих, остальные были бы невозможны в моем нынешнем состоянии."

Именно тогда Какаши заметил, что Рин была истощена; ее глаза потускнели и устали, ее кольца почти высохли, а руки дрожали из-за напряжения от истощения чакры и какого-то гендзюцу, через которое она была вынуждена пройти, пока ее два упрямых товарища по команде бездельничали.

Какаши задумчиво посмотрел на нее и покачал головой. Его команда... да, он знал, что может положиться на них, и если раньше он был неуверен, то теперь знал это наверняка. Рин была ученицей не кого иного, как Цунаде из Саннинов, и она, по-видимому, могла легко уничтожить шиноби уровня Джонина, если это было необходимо. Обито был... на самом деле для Учихи не было слов. Хотя Какаши действительно был шокирован действиями мальчика ранее, он имел в виду то, что сказал—он видел и похуже, и слова Обито действительно резонировали с ним на внутреннем уровне.

Раньше он думал, что Обито-никчемный хвастливый мертвец, а Рин-никчемная фанатичка с детской влюбленностью. Неправильный.

Но теперь он все понял. Эти двое, вместе с Минато-сенсеем, были его командой-людьми, которым он мог доверить все, что угодно, всю свою жизнь. Раньше он был слеп к этому, но теперь он мог признать с чем-то вроде гордости, что они были его командой. А по-другому у него и быть не могло.

Обито кивнул, наблюдая, как Какаши и Рин бросились к нему.

- Вперед!- Крикнул он, указывая на вход в пещеру. -Я расчищу для нас дорогу!"

Он снова повернулся ко входу в пещеру, где волна за волной к ним приближались Ива-Нины. Он знал, что раньше их было не так уж много, но пока они держали свои головы на месте (как в прямом, так и в переносном смысле), они не проиграют. "Катон: Бакуфу Ранбу!"

Обито контролировал крутящийся вихрь, когда он сжигал вражеских шиноби до обугленной массы, проклиная каждую пропущенную цель. Напряжение на его глазах и кольцах было

тяжелым, и он не скрывал ни малейшего презрения к тому факту, что раньше он беззаботно изгонял чакру в своем бессмысленном беспокойстве и стрессе.

Он почувствовал внезапное, напряженное потрескивание в воздухе. - Райкири!"

Обито резко обернулся, чтобы посмотреть на пронзенного Ива-Нина, который явно был готов напасть на него, Кунай держал всего в нескольких дюймах от его шеи.. Какаши убрал руку и позволил шиноби упасть кучей на землю, прежде чем раздался еще один глухой удар позади него. Когда Какаши повернулся, чтобы посмотреть на окружающих врагов, обито повернулся к Рин, которая убила еще одного врага, который пробрался вокруг слепого пятна обито.

Он взглянул на них обоих, наполовину удивляясь, как именно он пропустил их рост, наполовину не заботясь—потому что на самом деле имело значение то, что в первый раз, когда Обито мог думать об этом, они действительно были вместе, как команда номер семь. - Он снова улыбнулся. - Спасибо, Какаши, Рин."

Какаши просто кивнул, когда Рин широко улыбнулась, и все дружно повернулись к выходу.

Хотя Обито чувствовал напряжение, он мог сказать, что его товарищи по команде были в гораздо худших условиях. Между использованием своего недавно обретенного Шарингана и его Райкири, Какаши работал на перегаре. Состояние Рин было ненамного лучше, и он видел, как она то и дело теряла равновесие, несмотря на улыбку.

-Пошли, - нараспев произнес Какаши, оглядываясь по сторонам и, без сомнения, замечая окружавшую их кровавую бойню. Если они не поторопятся, то их собственные тела окажутся в числе погибших. -Мы хотим убраться отсюда до того, как появятся другие. Нам еще предстоит завершить одну миссию."

Рин и Обито утвердительно кивнули, и все трое направились к выходу из пещеры.

-Я...я так не думаю, вы, гребаные сопляки!- Раздался напряженный голос, и команда номер семь обернулась, чтобы увидеть лежащего ничком, почти мертвого Ива Шиноби. Его трясущиеся руки сжались в змеиной печати, и глаза обито расширились, когда он напрягся. "Дотон: Ивайадо Кузуси!"

Он смутно заметил проклятие Какаши, прежде чем мальчик начал плести ручные печати, знакомый белый свет чакры Райтона слабо вспыхнул к жизни. Вероятно, он надеялся убить этого человека до того, как его дзюцу будет закончено.

Обито вздохнул, отгоняя внезапно возникшую тяжесть в сердце. Не было никакого способа, чтобы Какаши добрался до Ива-Шиноби, не умерев сам, и это была лучшая возможность для него взять—" лучшее " существо в объективном смысле. Он схватил Какаши и Рин за ошейники, прежде чем бесцеремонно швырнуть их ко входу, убедившись, что они были свободны от падающих обломков с дополнительным толчком Мокутона.

Он снял маску и уставился на рушащиеся обломки, земляной потолок падал почти спокойно в его глазах. Это был сюрреалистический опыт-знать, что его вторая псевдосмерть пройдет так же, как и первая. Впрочем, он сам напросился на это, так что, наверное, не слишком удивился. Хотя это немного раздражало, зная, что когда это было для чего-то, что было из чувства долга, а не потому, что он действительно хотел, жизнь, наконец, приняла тот оборот, который он ожидал.

"Обито!"

Он снова перевел взгляд на своих товарищей по команде, улыбаясь сквозь завесу строительного мусора и обломков, затуманивших воздух. Он хотел, чтобы этот отъезд был счастливым, как бы странно это ни звучало—поэтому ему пришлось улыбнуться, потому что и Рин, и Какаши вместо этого имели выражение полного ужаса и страха на своих лицах. Он смотрел, как Какаши пытается вскарабкаться, прежде чем рухнуть обратно на землю, его ноги отказали ему. Рин смотрела на него широко раскрытыми от ужаса глазами, сжав руки в кулаки с побелевшими костяшками.

Когда Обито собрал свои высыхающие запасы чакры, он закрыл свои алые глаза. Он почувствовал, что обломки руин приближаются к нему, постоянно угрожая и напоминая о том, что его ждет смерть.

"Жить."

Наступила мертвая тишина, когда последний камень упал и осел среди груды камней, пыль и обломки осели, как будто ничего не произошло. Как будто покой природы никогда не нарушался.

Как будто их товарищ не просто упал.

И одно-единственное слово эхом отдавалось в их пораженных ужасом умах, пока они пытались осмыслить то, что произошло всего несколько мгновений назад.

... Почему?..

Какаши и Рин с ужасом смотрели на рухнувшую пещеру, и их охватило отчетливое чувство потери и пустоты. На поляне воцарилась тишина, обвал полностью осел. Все оставшиеся в живых, несомненно, были мертвы, раздавленные падающими обломками, возникшими в результате дзюцу Ива-Нин.

Включая Обито.

- ...Черт побери, - пробормотал Какаши тихо, почти жалобно, прежде чем с гневной силой ударить кулаком по земле. - ...Черт побери, черт побери!"

Рядом с ним Рин упала на колени и обхватила себя руками. Она прикусила губу, когда ее охватила слабая дрожь, ее глаза быстро заморгали от странного чувства, переполнявшего ее до краев—от пыли или слез, она не знала.

- Но почему же?- Тихо спросил Какаши, снова ударив окровавленным кулаком в неумолимую землю. - Но почему же?'

Он не знал, почему это произошло. В этом не было никакого смысла. Он был джонином, джонином, только что получившим повышение или нет, и как Джонин обязан был защищать своих товарищей, своих товарищей по команде. Это был его долг, его обязанность. И он потерпел неудачу.

…Нет. Даже с его рангом у него не было никаких шансов—их было слишком много, и он знал, что если бы он был один, то ему было бы трудно даже убежать. Так что вполне логично, что будут допущены некоторые ошибки, независимо от того, насколько хорошо экипированы его два товарища по команде-в конце концов, они все еще были Чунинами.

По крайней мере, так гласят правила. Но это было неправильно, потому что было исключение из этой идеи. Обито. Обито не должен был умереть, он один из них, не должен был умереть.

Какаши вонзил свои потрескавшиеся ногти в землю под ним, стиснув зубы от разочарования, чувства беспомощности и—я был бесполезен, почему он умер, я был бесполезен, и теперь он мертв, обито, который не должен был умереть, мертв—

Он снова ударил кулаком по земле, услышав, как его запястье с тошнотворным треском отдалось от неумолимой силы.

Обито оказался сильнее, чем ему показалось вначале. Обито был последним мертвецом, и взгляд Какаши на мальчика был далеко не дружелюбным и добродушным из-за того, что многие "взрослые", казалось, имели представление о мальчике: бесполезном, слабом, позорном, наивном. Но Какаши был неправ, они были неправы, все были неправы. Обито оказался сильнее, чем он ожидал, гораздо сильнее самого Какаши.

Если уж быть до конца честным, то ему не следовало повышаться до Джонина. Он только недавно начал понимать идею работы в команде и понимать важность опоры на своих товарищей по команде—и знание того, что еще до того, как он начал меняться, его рассматривали как Джонина, когда он все еще был измученным, одиноким ребенком-волком, которым он был раньше…

Сколько товарищей по команде он потерял бы, прежде чем окончательно осознал бы важность опоры на других? О доверии и бережном отношении к тем связям, которые у него были? О командной работе?

Обито следовало бы повысить в звании до Джонина вместо него. Обито был силен, со

скоростью, соперничающей с Минато, полностью зрелым додзюцу, полным мастерством используемых им техник, и он все еще умудрялся сражаться, не имея глаза, недостаток, который обычно отбрасывал большинство шиноби из не-гениальной разновидности назад на несколько месяцев для обучения. Он ценил своих товарищей по команде до такой степени, что это было почти болезненно, безумно, и Какаши знал, что убеждения мальчика были почти такими же сильными, как у Минато.

Так какого же черта Обито умер?..

- ...Он был ... - тихо пробормотал Какаши, сжимая и разжимая кулаки в потрескавшейся грязи. - ...Он был таким сильным, таким... сильным. Чтобы он умер... такой смертью... - прошипел он, презрительно глядя на свои руки и стиснув зубы от разочарования и смущения.

Это было нечестно. И в этом не было никакого смысла. Не было никакого смысла в том, что из всех них Обито умер (но нет, это действительно имело смысл. Он полагал, что Обито выйдет из игры, пожертвовав своей жизнью ради них, черт возьми) и он должен был быть сильнее этого. Он ведь Учиха Обито, не так ли? Учиха Обито не проиграл бы какому - то ... какому-то безымянному, бесполезному Ива-шиноби, Джонину или нет.

Этого просто не должно было случиться. Обито не должен был умирать, он не должен был просто стоять и улыбаться, словно приветствуя смерть—

- Те, кто нарушает правила-мусор, но те, кто бросает своих товарищей, еще хуже, чем мусор."

- Обито не должен был вот так оставлять свою команду.

- Вот дерьмо!"

Какаши и Рин вздрогнули, обернувшись на чужой, незнакомый голос—и одновременно напряглись от огромного количества врагов в непосредственной близости. Среди деревьев и кустов, окружавших рощу, были Ива-Нин, готовые в любой момент напасть.

Они были окружены.

-Какко был с этой группой!- Взвизгнула женщина-Ива-Нин, прежде чем обратить полные ненависти глаза на двух шиноби из Конохи. Какаши изо всех сил пытался выпрямиться перед лицом враждебной женщины. -Я убью вас, чертовы пятна дерьма!"

Другой шиноби держал руку перед разъяренной женщиной, его голос был суров. - Успокойся, Коиши! Нет никакой необходимости тратить наше время на этих детей.- Он хмуро взглянул на Какаши. - Они умрут, независимо от того, нанесем мы им последний удар или нет."

Какаши выругался и рухнул обратно на землю, его усилия встать были напрасны. Он был

полностью лишен чакры и энергии, и он точно знал, что Рин была в таком же состоянии, как и он—истощена физически, умственно... и эмоционально. Бежать было некуда, и шансы на то, что вскоре они присоединятся к обито, были чрезвычайно высоки.

Несмотря на это, он осмотрел окрестности в поисках своего танто—только чтобы понять, что бросил его обратно в пещеру. Быстро сменив тактику, он медленно, осторожно потянулся к своему мешочку с кунаями... которого, как он понял со скрытым ужасом, там не было. Его взгляд метнулся к ноге, и, как он и предполагал, он явно потерял не только свою сумку и бинты, которые обычно были завернуты под ней, но и небольшой кусок материи из штанов. Он даже не заметил, что его там задели.

-А мне плевать на летающую хуйню, - фыркнула женщина Ива-Нин, Коиши. -Я хочу видеть, как эти обнимающиеся с деревьями ублюдки истекают кровью, я отомщу за Какко, черт побери! Он был идиотом, но все равно оставался им..."

Какаши почти непонимающе уставился на врагов перед собой. Его обычно быстрый ум был затуманен горем, смятением и притуплен тем фактом, что выхода не было—хотя он и не хотел сдаваться, не было ничего, что он и Рин могли бы предложить в форме сопротивления, которое не только затянуло бы неизбежное. Он едва мог думать, а мир постоянно менялся и расплывался.

-К-Какаши, - тихо пробормотала Рин, тяжело дыша от волнения. Он медленно повернулся к ней, его движения были вялыми от усталости. - Минато-сенсей ... Кунай..."

Было немного сложнее сделать движение руки позади себя естественным в смысле "я-не-тянусь-за-оружием", и он на мгновение задумался, не следует ли ему просто отбросить осторожность и отказаться от незаметного маршрута. Какаши начал видеть черные пятна, затуманившие его зрение, и его решение было принято.

Он потянулся за трехзубым кунаем в своей сумке и быстро, не задумываясь, бросил его, упав на землю, когда вокруг него раздались леденящие кровь крики и хаос.

Рин на мгновение закрыла глаза и отключила свою чакру, а затем остановила свое Сошен-дзюцу.

Вдыхать. - Выдохни.

Когда она снова открыла глаза, то закусила губу, едва сдерживая слезы—Что бы она ни делала, она просто не могла перестать думать об этом, она не могла перестать гадать, строить предположения, если бы некоторые переменные изменились, и размышлять, изменило бы это результат или нет.

Почему Обито должен был умереть? Почему он изменился? Почему он умер? Почему она все еще так слаба?

Почему Обито умер?

Она снова перевела взгляд на лежащего без сознания товарища по команде, не обращая внимания на окровавленного сэнсэя, который опустился на колени и прижал указательный палец к Земле.

Это была ужасная сцена, которую она наблюдала с полувосторожностью, в основном сосредоточенная на том, чтобы не потерять еще одного драгоценного человека в тот день. И все же она солгала бы, если бы сказала, что не испытывала самого глубокого, самого мерзкого чувства радости от того, что ее сэнсэй систематически убивал Ива-Нин. Осознание этого вызывало у нее отвращение, но факт оставался фактом: именно они были причиной того, что ее товарищ по команде, ее друг оказался среди трупов. В результате она не могла заставить себя почувствовать раскаяние и сочувствие к ним, которые, вероятно, испытала бы, если бы не горевала.

Но такова была война. Она всегда знала, что может потерять одного из них, знала, что в конце концов умрет. Это была одна из тех вещей, которые были вбиты в умы молодых, честолюбивых Шиноби - будущих со времен их академии, и только еще больше привиты введением в настоящую битву и войну.

... Но она все еще не была готова к этому на самом деле. Никто и никогда им не был.

Она не знала, сколько прошло времени, может быть, одна минута, может быть, тридцать, но в конце концов Минато встал и подошел к ней с болезненным видом. Она легко могла сказать, что он пытается контролировать свои эмоции, но он уже понял, что произошло—если бы он не мог прочитать печаль, запечатленную на её лице, она могла бы обидеться.

- ...Рин, - тихо пробормотал он. - Какаши?.."

Рин лишь раз кивнула головой, у нее не хватило сил, чтобы полностью признать это. -С ним все будет в порядке. Одно из орудий... в нем был вредный наркотик, но я нейтрализовал большую его часть из его организма. Он проснется с головной болью и ... и замедленной реакцией, но он будет в порядке."

Обычно она могла бы полностью нейтрализовать его,но с единственной солдатской пилюлей, которую дал ей Минато, это было почти невозможно без того, чтобы она сама не потеряла сознание. А так она едва могла связывать связные предложения.

Минато кивнул, и воцарилась тишина, когда он сделал паузу, как бы раздумывая. - ...Обито?"

Рин застыла, продолжая молчать. Она смотрела вниз на свои колени, сжимая руки в складках юбки, пока боролась со слезами, быстро появляющимися в ее глазах. "Нет", - подумала она кротко, и это прозвучало бы жалобно, если бы она произнесла это слово вслух.

Минато молча поднял распростертое тело Какаши и взвалил потерявшего сознание мальчика на спину, прежде чем погладить Рин по голове, заставив ее поднять глаза. Она была слегка благодарна ему за то, что он отвернулся, потому что знала, что влага в ее глазах была видна—и все же она знала, что он не смотрел на нее не только ради нее самой, но и ради него тоже. Она не видела его лица, но легкая дрожь пальцев выдавала его собственное горе.

Моргнув в последней попытке унять проклятую влагу в глазах, Рин встала. Она бросила страдальческий взгляд на упавшие обломки, и непрошеная улыбка обито мелькнула в ее сознании-не та напряженная, кривая и вымученная улыбка, которую она видела недавно, но... но та, что была раньше. Его улыбка, невинная и совершенно непринужденная, сияющая и способная поднять ей настроение даже в самые худшие времена. Это была ... так давно она не видела его, эту искреннюю улыбку.

Она думала, что бы это ни было, оно стерло его невинность и оставило тот ужасный шрам темноты, который они все чувствовали неделю, полгода назад... она думала, что он в конце концов забудет, что он будет жить дальше. Она думала, что его шрамы заживут, и он сможет улыбаться счастливо и без этих теней в конце концов, если она даст ему время.

В глубине души она надеялась, что если станет сильнее, если станет более надежной, то ее команда сможет рассчитывать на нее как на равную себе.

Она получила то, что хотела, она стала сильнее, и, несмотря на все еще значительную разницу между ней и ее товарищами по команде в атакующих способностях, она думала—она была уверена—что доказала свою полезность, что нашла свою нишу.

Она надеялась, что сумеет помочь ему, как он всегда бессознательно помогал ей,—что она заставит его улыбнуться снова.

Рин тихо, сдавленно всхлипнула. Но теперь...

- ...Он больше никогда не улыбнется.'

Тихие слезы наконец-то потекли из ее глаз, оставляя жгучие следы на щеках.

-Он... ушел.'

Кушина моргнула, увидев знакомую, темную и сырую обстановку, в которой оказалась.

По меньшей мере странно, учитывая, что всего минуту назад она готовила себе Шио рамен. Она была на середине помешивания, собираясь добавить еще немного ароматизатора (бульон был немного слабоват, по ее мнению), а затем мгновение спустя, вместо того чтобы стоять на кухне с рукой, держащей ароматизатор над кипящей кастрюлей, она обнаружила себя в своем мысленном пространстве.

Рыжеволосая нахмурилась, когда поняла, что могло произойти в реальном мире. Она отчетливо помнила, что и Минато, и Джирайя стояли, прислонившись к чему-то, когда они вышли из печати, когда решили устроить вечеринку с лисой (не совсем), несмотря на то, что оба они сидели прямо, когда вошли. Вполне логично было предположить, что, когда ум не способен контролировать тело, оно расслабляется. И если это означало то, что она думала, то да—

Внезапно перед ней вспыхнула золотисто-красная чакра,и она упала ничком на мелководье. Она посмотрела на оскорбленную лису, тварь, мудака, который стоял перед ней со слегка недовольным видом. - Ах ты чертова лиса!- Закричала она, вскакивая на ноги и обвиняюще указывая пальцем на Бижу. -Мне лучше не валяться на полу в моем любимом рамене, даттебейн, или да поможет мне Бог—"

-Не могу поверить, что я действительно отпустил его, - проворчал зверь, его клыки обнажились в манере, которая была не совсем злой, но и не совсем доброжелательной. Его разум казался озабоченным, и он вообще не заметил присутствия Кушины. -Я не могу поверить, что действительно отпустил его. Этот проклятый, глупый, мученический тупица— - его слова оборвались, и он резко повернулся к Кушине со стальным взглядом, который заставил ее сделать нерешительный шаг назад.

После минутного молчания Кюби наклонил голову. - Женщина из клана Узумаки."

Несмотря на то, что Кушина не чувствовала никакого особого "зла", которым якобы была известна лиса во время ее последнего визита, это не означало, что она была полностью довольна этим зверем. Что-то было не так, что-то такое, что заставляло нервничать даже Кьюби, и она не была уверена, хороший это знак или плохой.

Она скрестила руки на груди и уставилась на лиса. -Чего ты хотел ,ттебейн?"

Его глаза сузились, и он опустил голову, чтобы отдохнуть на огненных когтях. -Я доверил твоему блондину обеспечить выживание этого тупицы, - тихо произнес он. "И в то же время, я должен ему одолжение."

Мех Кьюби, казалось, ожил, излучая мощную, чистую золотистую чакру, которую Кушина никогда раньше не чувствовала, и у нее было смутное, но странно определенное чувство, что даже Мито не чувствовал его.

- ...Я думаю, что самое время сказать тебе правду."

Pov Переводчик

Самому хренова от этой главы...

http://tl.rulate.ru/book/28530/799334